
Да куда ни приди, везде всё одно в одно.
Подойди-погляди, подуй, подлатай,
помажь...

Голубиковой речкой зыбится полотно,
Камнеоко моргает, щурится весь пейзаж.

Одуваничья россыпь, рваные облака.
Исцели да навечно, время метать стога.
Что тепло и светло, то расплески молока,
Что умений, так то молитовку по слогам.
Росоносная поступь,
хруст цветоносных шей.
Ты ли старче, да ты ли юноша – равно всё –
Приходи-пригляди, пригладь,
по местам пришей.
Он идёт. И в кошёлке россыпь себя несёт.

Балует кот. Под лапкой кожура –
стащил на кухне (чистили картоху).
Бабуля начинает громко охать –
с балкона дует, сыпется куржак.

Никола Зимний. Сонно сыпет снег.
С балкона тянет куревом – так едко.
И чмокая «здоровья тебе, дедко»,
бабуля кличет Коленьку во сне.

Очки лежат. Газетина лежит.
И вот бы к ним: лежать, храниться,
слышать,
как в новый снег вышагивают лыжи,
а дедушка всё так же жёлт и жив.

Глазки. Ладошки. Просто: ку-ку, тю-тю.
Не было. Снова не было. Вот он, есть.
Тянем-потянем с бабушки по ломтю.
Россыпь изюмок. Лопай да куролесь.

Можно. Конечно, можно вопить с весны.
Тырить кусочки сахара, шкодить, петь.
Просто. Клубится тюль. Молоко и сны.
Лукова шелуха припеклась к плите.

Тянемся да потянемся. Всё тю-тю.
Солнце палит неистово. Так, что резь.
Глазки. Ладошки. Луково. Просто спю.
Просто. Ку-ку. Открою. И чтоб ты – есть.

Смилла чувствует снег. Несмело его листая,
Вспоминает: олений запах и волчья стая,
Много клюквин на очень белом,
и очень страшно...
Смилла чувствует снег таким вот –
всегда вчерашним.

Смилла трогает снег.
Навстречу бежит Исаяя.
На молочных ладошках сажа –
следы касланья.
Обнимает. Моргает карим, косым, оленьим.
Смилла трогает снег
с пушистою детской тенью.

Смилла трогает снег.
Пытаясь собрать картину –
Ту, где клюквины, сосны, ветер,
и мех накинут,
Где истошно вопило, выло,
почти мычало...
Смилла трогает снег.
Стремится найти начало.

Смилла чувствует снег.

Ликуя, бежит Исая.

Восковатой ручонкой тянется до касанья,

Улетает сквозь снег и сосны

на белой ткани.

Смилла чувствует боль.

И снег её обнимает.

выход верить

колёсам

ещё ногам

запад красит гранатом дорогу нам

покорёженный берег пылью сочится

в линии

расчертить по следам спортняжить и что-то

выкроить

барахлящий мотор упрямится брызжет

скалится

рассадить да оставить памятью чтобы

саженцы

пальцы рук ставить выцветом на плече

просто будьте

стремительно будьте

Че

знаешь, мы в будущем тоже будем –

словом,

идушим дальше.

время вырастает в скелеты судеб,

время вырастает в наши.

пишет чужое-своё незрячий –

выжить бы карандашно.

мальчики в поле гоняют мячик,

мальчики знают:

страшно.

партия сыграна,

травник пляшет,

степь ворожит полынно.

тащат молодки кровавый кашель

вишней на гулкий рынок.

пылью: палёной, кроплёной болью –

каждый вырастает в трепет.

выжито. выжато.

голубое

дождно смывает пепел.

выцветет память о каждом лете,

ветер поля просвищет.

пусть нерождённые наши дети

знают

о мире

чище.

Топ да топ. Чеканно. Направо! Прямо!

На ковре ворсинки – трава да ямы,

Швы – накаты пыльных кривых обочин:

Шерстяной плацдарм наизусть изучен.

На разведку улиц – в карманах платья.

Окопаться в талом, учить, как таять,

Наглотаться льдинок, простыть и гибнуть,

Напевая хриплым цветные гимны.

Топ да топ по лужам. Обстрел внезапен.

Утонуть в черёмушьем гулком залпе,

В одиночных, в братских, сложиться,

смяться...

Глина прилипает к ладоням, пальцам.

А потом – весна. И тепло. И сыро.

Кладбище покроется девясилом,

Повиликой, плевелом и горошком.

Но придут. И станут сажать картошку,

И укроп, и редьку, и всё, что нужно.

Надорвётся почва. Родит недужных,

Худощавых, плесневых и безглазых.

Топ да топ, солдатики. Разом! Разом!